

**НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ ИССЫК-КУЛЯ
(1925–1940 гг.)**

В.В. Плоских

Анализируются материалы первых археологических исследований на Иссык-Куле с 1925 по 1940 г. и задачи, поставленные перед наукой.

Ключевые слова: Иссык-Куль; саки; курганы; затопленные памятники; археологические артефакты; иллюстрации.

Профессиональное археологическое изучение памятников Иссык-Куля начинается с 20-х гг. В мае 1921 г. создается Туркестанский

комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). В 1924 г., в связи с национально-государственным

размежеванием народов Средней Азии, возник вопрос о существовании Туркомстариса. Было принято решение оставить его в качестве органа среднеазиатского значения, переименовав в Средазкомстарис. В 1925 г. сотрудники Средазкомстариса В.А. Городецкий и Э.А. Шмидт совершили первое обследование западной части Иссык-Куля.

В 1926–1927 гг. обследованием подводных археологических памятников, а вместе с тем и памятников, расположенных в прибрежной и предгорной частях котловины, занимался в будущем известный ученый, чл.-корр. АН СССР П.П. Иванов, результаты работ которого не были опубликованы. Они увидели свет только в 1957 г. [1, с. 65–99].

П.П. Иванов провел тщательное исследование подводных развалин в Койсары. Им были составлены схематические планы урочища Койсары, дабы, как он пишет: “будущие исследователи могли не тратить лишнее время на поиски интересующей их местности”. На заседании ГА-ИМК 30 мая 1930 г. Иванов доложил результаты своей работы по составлению сводки о памятниках Иссык-Куля. Вполне возможно, что в своем докладе в 1930 г. П.П. Иванов осветил материалы шире и подробнее и что, очевидно, до нас не дошли все его подготовительные записи.

Ценность работы П.П. Иванова, кроме того, состоит в том, что в ней картографически суммированы почти все известные (к 1930 г.) материалы по археологии Иссык-Куля. На его “Археологической карте Иссык-Куля” показано 97 памятников.

Следует отметить многочисленность и разнообразие археологических памятников Иссык-Куля и факт повсеместного их распространения, но особенно много их в восточной части озера.

Необходимо подчеркнуть, что памятники Иссык-Куля на карте П.П. Иванова представлены полнее, чем у всех предшествующих и последующих исследователей.

Пожалуй, самое важное из открытий П.П. Иванова получило признание в науке. Речь идет о находке камня с надписью руническим и арабским алфавитом. Об этом камне с надписью П.П. Иванов сообщил академику В.В. Бартольду в письме от 29 марта 1922 г. Бартольд передал эти сведения С.Е. Малову, который определил, что на камне высечена руническая надпись. Находка рунической надписи на Иссык-Куле зарегистрированной С.Е. Маловым, имеет большое значение, расширяя наши представления о территории распространения рунической письменности. Об этой надписи упоминают также М.Е.

Массон в 1936 г. и А.Н. Бернштам в 1950 г. Позже других подобных рунических памятников на Иссык-Куле обнаружено не было.

Работа П.П. Иванова об Иссык-Куле не была подготовлена им к печати и сохранилась в виде двух рукописей: 1. “Материалы по археологии долины Иссык-Куля. Лето 1927 г., гор. Каракол” – 28 стр. и 2. “Археологическая поездка по северному берегу Иссык-Куля. Лето 1927 г.” – 25 стр. большого формата. Эти рукописи к печати были подготовлены неизменной участницей всех полевых исследований П.П. Иванова – О.К. Ивановой и отредактированы Ю.А. Заднепровским. И хотя работа П.П. Иванова не представляет законченного историко-археологического труда, ее нельзя недооценивать: П.П. Иванов сумел верно наметить основные линии в изучении истории и археологии края.

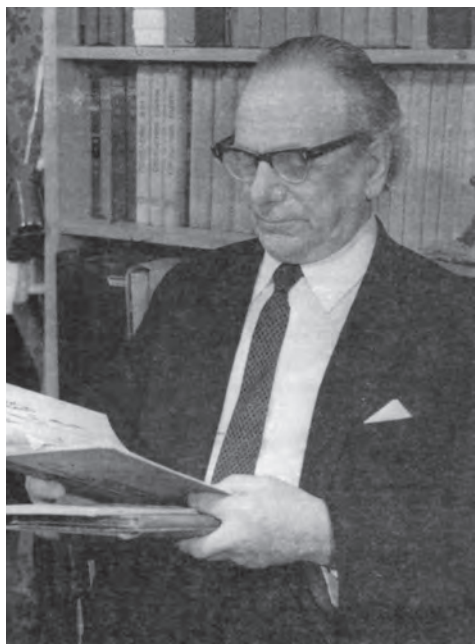
Предисловие к работе П.П. Иванова, написанное Ю.А. Заднепровским к изданию 1957 г., стало этапным историографическим исследованием по археологии Иссык-Куля [2, с. 109–116].

В 1928–1929 гг. советские археологи М.В. Воеводский и М.П. Грязнов впервые проводят раскопочные работы на курганных могильниках в районе г. Пржевальска. Результаты этих работ в связи с тем, что авторы были репрессированы в начале 1930-х гг., были опубликованы с большим опозданием в 1938 г. [2, с. 111].

В 1929 г. ими были исследованы три курганных могильника в районе города Каракола на восточном берегу озера Иссык-Куль. Первый из этих могильников находился на окраине самого Каракола у лесопильного завода, в месте выхода дороги из города на Ак-Су. Он представлял собой цепочку из шести крупных курганов, расположенных в направлении с севера на юг. Курганы больших размеров: их диаметр до 40–50 м и высота 4–5 м. К моменту исследования описываемые курганы были сильно разрушены ямами для добывания глины, а на одном из них была устроена кирпичная печь для обжига изделий из глины. Для раскопок были выбраны два кургана, находившиеся под угрозой разрушения, склоны у них были срыты, но центральная часть сохранилась полностью.

Под насыпью обнаружены три могилы, расположенные в ряд. Каждая из могильных ям окружена валом из больших речных валунов, среди которых наиболее крупные имели величину до 0,75 м в диаметре. Вал достигал высоты до 1–1,5 м и ширины до 3–4 м.

Под валом из речных валунов оказались остатки наката из толстых бревен тяньшаньской

Михаил Петрович Грязнов
(1902–1984)

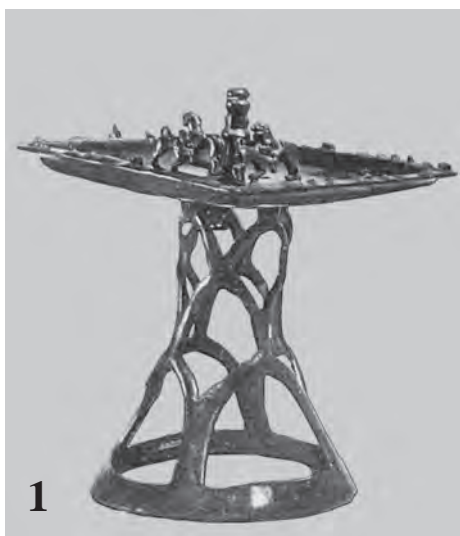
Борис Михайлович Зима
(1908–1979)

Александр Натанович Бернштам
(1910–1956)

Юрий Николаевич Рерих
(1902–1960)

1

2

3

1–3. Иссыкульские жертвенники
(курильницы).
Бронза. V–III вв. до н.э. Государственный
эрмитаж

4. Скульптурка яка — деталь жертвенника.
(Б.М. Зима. *Иссыкульские жертвенники*).
Фрунзе, 1941 г.

4

ели, перекрывавших когда-то могилу. Над могильной ямой накат провалился и оказался сильно разрушенным грабительским ходом, но под каменным валом имел прекрасную сохранность. Поверх наката было покрытие из камышовой циновки, остатки которой также хорошо сохранились.

Под накатом вокруг всего края могилы шло обрамление шириной 50–60 см, плотно выложенное из небольших плоских галек в один слой. Обрамление это, видимо, играло роль фундамента для наката. Могильные ямы имели значительные размеры:

№ 1 (центральная) 2,5x1,8, глубина 1,8 м;

№ 2 (северная) 2,9x1,6 м, глубина 1,6 м;

№ 3 (южная) 2,5x1,8 м, глубина 1,6 м.

Все они оказались ограбленными в древнее время, но все же дали много материала как для восстановления картины погребального ритуала, так и для изучения материальной культуры того времени.

Значительная часть предметов была потревожена грабителями и найдена в грабительских ходах и в засыпке могил. Найдены в основном разбитые керамические сосуды в виде чаш и более высоких горшков, также найдены 4 железных наконечника стрел и обломок железного меча, 12 бронзовых пронизок от ожерелья, одна золотая пронизка и два золотых листочка.

Раскопав рядом второй курган, ученые сделали вывод, что первоначально могильная яма не засыпалась землей, а оставалась полой.

Хронологически ученые датировали их III в. до н. э. – I в. н. э., хотя, говоря о бронзовых и золотых артефактах, авторы относят их к концу V и к IV вв. до н. э., т. е. к периоду сакской цивилизации в Центральной Азии.

В 1929 г. М.В. Воеводским и М.П. Грязновым были исследованы также два могильника, находящиеся у поселка Чильпек, в 4–5 км от города Каракола. Курганы на этих могильниках разбросаны в беспорядке, на пологих склонах отрогов предгорий, господствующих над поселком. Общая площадь, занятая курганным полем, достигала 0,7 кв. км и заключала в то время, по видимому, несколько сотен могил. Учеными было вскрыто 10 курганов.

Над обоими могильниками на высоте 50–60 м господствует цепочка из нескольких больших курганов, аналогичных по внешнему виду и расположению каракольским.

Внизу же надмогильные насыпи небольшие, диаметром 8–15 м и высотой 0,2–0,8 м. Некоторые курганы едва заметны и их можно обнару-

жить лишь по двум–трем камням, выступающим на поверхность. Насыпи курганов земляные, в нижней части обложены нешироким кольцом из речных валунов. Могильная яма обычно расположена в центре кургана, но иногда оказывается несколько смещенной, благодаря сплыванию насыпи вниз по склону. Она была также обрамлена невысоким каменным валом, имеющим иногда вид правильного кольца, с очень правильной выкладкой камней.

Судя по тому, что в завале могильных ям обычно находятся остатки бревен, лежащих в поперечном направлении, и большое количество речных валунов, залежавших на разной высоте, можно предположить, что могилы были полыми и покрывались поверх накатом из еловых бревен. В некоторых могилах сохранились небольшие остатки циновки, которыми, по-видимому, накат покрывался сверху. Среди вскрытых 10 курганов коллективных захоронений не встречено. Для детских погребений также сооружались отдельные могилы с очень небольшими насыпями.

Могильные ямы – длинные и довольно узкие, длиной 2,3–2,9 м, шириной 0,8–1,0 м и глубиной 1,8–2,6 м. Четыре из десяти раскопанных курганов оказались ограбленными. В одном погребении вместе с человеческим скелетом лежал полный скелет коня, но, к сожалению, это погребение оказалось настолько разрушенным норой крупного зверя, что картину погребального ритуала восстановить оказалось невозможным.

Устройство насыпи и могилы, погребальный обряд и сопровождающие покойника предметы в общем однообразны во всех курганах. Отличия имеются лишь в характере и количестве предметов погребального инвентаря, который обычно состоит из глиняных сосудов и чаш в количестве от 3 до 7 экземпляров, деревянного блюда, обломков железных предметов в виде тонких стержней и костей животных.

Из других предметов, не типичных для этой массы погребений, можно отметить меловые палочки размером 10,0x2,0 см и толщиной 1,5 см. Возможно, они были косметической принадлежности. Также нужно отметить бронзовую головную булавку длиной 18,6 см с массивной головкой в виде птички и костяные пластинки от лука. Пластинки – парные, длиной 16 см, тонкие, со скошенными заостренными концами и сведенными на нет краями. Внутренние поверхности покрыты глубокими штрихами для более прочного приклеивания и слегка вогнуты. Большой интерес представляет бронзовое зеркало с боковой ручкой и украшением в виде сильно

стилизованной головы птицы, ранее встречавшимся в основном на наборах от конской сбруи.

М.В. Воеводский и М.П. Грязнов сделали попытку дать общую характеристику обоим типам рассмотренных могильников. Могильники, имеющие вид цепочек, состоят из небольшого количества курганов, редко больше десяти, цепочки обычно вытянуты почти точно по линии С–Ю. Курганы в цепочках отличаются большими размерами, достигая в отдельных случаях 10–15 м высоты и 80 м в диаметре, т.е. представляют собой сооружения, требующие огромных затрат тяжелого труда. Об этом же свидетельствует и сложное сооружение намогильных насыпей, включающих большое количество крупных камней и бревен из тяньшаньской ели. Ученые считают, что такие цепочки являются фамильными кладбищами, в которых каждый курган сооружался для захоронения в нем одного из представителей одной семьи. Цепочка, по их мнению, содержала могилы нескольких поколений.

У нас несколько иная точка зрения: скорее всего, в этих цепочках хоронили знатных и богатых, что говорит уже о значительной дифференциации отдельных слоев общества по признаку владения количеством собственности.

Погребальный ритуал в этих курганах отличается пышностью. В обширные могилы укладывали много ценных вещей: золотые предметы художественной работы, одежду, украшенную золотыми нашивными бляшками, китайские лаковые изделия, некоторые предметы явно иноземного происхождения, как, например, греко-бактрийские золотые бляшки с изображением головы Силены. Несомненно, золотых и других ценных вещей в могилах было значительно больше того, что удается собрать при раскопках после грабителей. В этих курганах погребалось и оружие, обнаруживаемое в виде наконечников боевых стрел и обломков мечей. В некоторых курганах этого типа основное погребение сопровождается дополнительными могилами или погребениями в той же могиле. Лиц, сопровождавших покойника в предполагаемый загробный мир, также снабжали ценными вещами.

Археологические разведки, произведенные в 1929 г. А.И. Тереножкиным и М.В. Воеводским по берегам озера Иссык-Куль и отрогам Терской-Алатау, позволили им сделать важные наблюдения: цепочки курганов каракольского и буранинского типов встречаются почти исключительно на широких долинах рек или террасах Иссык-Куля и у подножия предгорий, т. е. в мес-

тах зимовок, а могильники чильпекского типа расположены как в долинах, так и высоко в горах, на горных пастбищах. Могильники, исследованные у села Чильпек, отличаются и другими особенностями: они занимают обширную площадь и включают несколько десятков или сотен курганов, расположенных без какого-либо порядка, и представляют собой небольшие насыпи с одиночными погребениями.

Погребальный инвентарь таких курганов, даже не разграбленных, беден. Он состоит из утилитарных бытовых предметов – небольшого количества довольно грубой деревянной и глиняной посуды, крайне малочисленных украшений, среди которых иногда встречаются бронзовые предметы. Остатки луков, обнаруженные в таких курганах, возможно, были орудием охоты, а не боевым оружием.

Все это указывает на весьма значительную экономическую и социальную дифференциацию общества, оставившего нам эти памятники [3, с. 138–150].

Из характера расположения могильников и состава инвентаря можно сделать вывод о том, что скотоводство было основной, ведущей формой хозяйства. Это следует из того, что в каждом погребении обязательно находятся кости барана, лошади, быка. Нахождение могильников не только в долинах, но и на высокогорных пастбищах, не пригодных для земледелия, также указывает на это.

Но народ, оставивший эти могильники, занимался и земледелием, видимо, достаточно примитивным и имевшим подсобное значение. Сеяли просо или ячмень либо на неполивных землях, либо с использованием для полива небольших потоков, вытекающих с гор. Следы древнего орошения такого типа прослеживаются в нижней части предгорий вдоль восточного берега Иссык-Куля.

Вся глиняная посуда, добытая в описанных могильниках, несомненно, местного производства, изготовлена ручной лепкой, без гончарного круга. Сосуды лепились из четырех поясов путем накладывания глиняных полос. Нижняя часть сосудов и глубокие чаши вылепливались на полушарных болванках, покрытых тканью, для удобства снятия их с болванки. Это можно установить на основании наличия отпечатков ткани на внутренней поверхности в нижней части сосудов. Обжиг посуды примитивный, скорее всего, напольный, а не горновой, а это указывает на то, что изготовление посуды имело домашний, а не ремесленный характер.

На основе скелетного материала, добытого из каракольского и чильпекских могильников, антрополог Т.А. Трофимова определяет тип этого народа, как памиро-ферганский, характерный для древнего населения Средней Азии и Западного Казахстана [4, с. 183–185].

Ученые знали о затопленных памятниках античности на Иссык-Куле, но не исследовали их без необходимого оборудования. Тем не менее, их вывод о принадлежности памятников к усуньской и предшествующей сакской эпохам был в целом воспринят учеными того времени.

Продолжение раскопок курганов в районе Иссык-Куля, по заключению ученых, может дать еще много нового и интересного материала, который позволит значительно расширить и уточнить сведения о народах, живших здесь в древности, об их социальном строе, уровне материальной культуры, об особенностях их хозяйства и, вероятно, исправить их предварительные заключения по затронутым вопросам [5, с. 162–179].

Следует заметить, что сами находки, археологические артефакты, раскопанные Воеводским и Грязновым, были вывезены в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) и хранятся в фондах Государственного Эрмитажа до сих пор.

К сожалению, они не были выставлены на выставке памятников культуры и искусства Кыргызстана, проходившей в Эрмитаже в 1983 г. Настало время снова их проанализировать и сравнить с находками последующих экспедиций, особенно международной Иссык-Кульской историко-археологической экспедиции (КРСУ и российской конфедерации подводной деятельности).

По информации известного востоковеда Ю.Н. Рериха, в Киргизии, в районе озера Иссык-Куль в 1932 г. работал и другой археологический отряд Сводной экспедиции Всесоюзной Академии наук, возглавляемый известным исследователем минусинских древностей С.А. Теплоуховым. Было раскопано до 30 погребений в окрестностях Пржевальска, в районе села Чильпек и в ущелье Джеты-Огуз [6, с. 92]. К сожалению, пока не найдены материалы этого отчета. По всей вероятности, они находятся также в Институте археологии или в Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

В газете “Советская Киргизия” в 1937 г. была опубликована заметка под названием “Археологическая находка”, в которой говорилось, что в Семеновском ущелье рабочие, копавшие глину, нашли бронзовый клад: 2 стола, 2 больших котла, два предмета, похожие на жертвен-

ники, с литыми фигурами по краям, светильник, скульптуру быка и пр. Рабочие разломали котел и другие предметы, думая, что они золотые, но все эти предметы отлиты из меди (бронзы) [7]. Материалы по изучению этих находок были изданы Б.М. Зимой [8]. Писал об этих находках и А.Н. Бернштам [9, с. 40–50].

Ученые уточнили место, где был зарыт клад, – 4 км к северу от села Семеновка, у слияния рек Кок-Добе и Малая Ак-Суу. В 1949 г. возле места находки были заложены разведочные шурфы, которые вскрыли толстый слой пепла. Рядом находились курганы сакского времени. По мнению А.Н. Бернштама, на площадке у обломков скал, где был найден пепел, находилось жертвенное место, связанное с погребальным обрядом, и найденные бронзовые предметы, возможно, использовались для обряда жертвоприношений.

Б.М. Зима после тщательного опроса рабочих сумел полностью восстановить место каждого предмета в кладе. На глубине 1,5 м лежали два котла. Один из них был опрокинут дном и накрывал два светильника (к сожалению, рабочие разрубили один казан на две части). Под котлами крышкой на крышке лежали два стола с приподнятыми бортами (в виде подноса). Каждый из них опирался на 4 ножки. Оба светильника были замечательного художественного литья. Бортик одного из них украшен фигурками тринадцати барсов (или львиц?) в торжественном шествии по кругу. На бортике второго светильника сохранились две одинаковые группы: горный козел в борьбе с тигром.

Этот жертвенный комплекс А.Н. Бернштамом был перевезен в Ленинград и сейчас хранится в Государственном Эрмитаже. Он выставлялся на вышеупомянутой выставке в Эрмитаже в 1983 г. Во Фрунзе (ныне – Бишкек) в то время остался лишь бронзовый котел, разбитый на две части (который со временем бесследно исчез) [10, с. 36–38].

В 1940 г. археологические памятники Иссык-Куля стали объектом изучения Семиреченской археологической экспедиции, руководимой ленинградским ученым А.Н. Бернштамом, основоположником кыргызской археологии. Главным итогом работ экспедиции явилось открытие области Верхний Барсхан и установление трассы древнего караванного пути [11, с. 80–81]. Территория этой области, по А.Н. Бернштаму, начиналась в Тонской долине (южный берег) и заканчивалась у Курментинского городища (северо-восточный берег).

Исходя из сведений средневековых авторов, сообщавших о девяти городах области Верхний Барсхан, А.Н. Бернштам определил их местонахождение. Первое поселение расположено около южного конца длинной стены у села Кольцовка (ныне Боконбаевское), второе – в 20 км к востоку от села Кольцовка, что соответствует Каджи-Сайскому городищу, третье – Тосорское, четвертое – на правом берегу реки Тамга, между реками Тамга и Барскаун, пятое находится под водой – это Койсаринские развалины, шестое – Джергаланское (Михайловское) и седьмое – Тюпское (Курментинское). А.Н. Бернштам считает, что его экспедиция обнаружила из 9 поселений Верхнего Барсхана – 7 и что недостающие два находились на участке между рекой Тамга и городищем Кой-Сара, но были смыты водами Иссык-Куля. Затонувшими курганами и поселениями А.Н. Бернштам не занимался, даже не фиксировал их, вскользь упомянув, что они “были смыты водами Иссык-Куля”.

Из семи городов, обследованных Семиреченской археологической экспедицией, неизвестными являлись лишь два – Корум-Дунун-Коктосу в Тонской долине и Михайловское, находящееся на Сухом Хребте. Остальные поселения, упомянутые А.Н. Бернштамом, были открыты дореволюционными авторами и отмечены также на археологической карте Иссык-Куля П.П. Иванова.

Семиреченская археологическая экспедиция установила и трассу торгового пути, идущего из Средней Азии в Восточный Туркестан. Этот путь, как указывает А.Н. Бернштам, пролегал через Чуйскую и Чон-Кеминскую долины. Из Чон-Кемина через перевал Когойрок трасса выходила в район Чолпон-Аты и далее шла по северному берегу Иссык-Куля к перевалу Сан-Таш и оттуда – в Восточный Туркестан.

В 1949 г. Тянь-Шаньская археологическая экспедиция (руководитель А.Н. Бернштам) продолжила изучение памятников старины на Иссык-Куле. Экспедиция впервые посетила Джергаланское городище и провела там разведочные раскопки. На основе полученных материалов А.Н. Бернштам предложил классификацию керамики и определил хронологические рамки существования городища [12, с. 100].

На археологических картах, приведенных в работах А.Н. Бернштама “Археологический очерк Северной Киргизии” и “Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая”, отмечено 11 поселений, расположенных на берегах озера Иссык-Куль, что меньше, чем на карте П.П. Иванова. Причем

все поселения нанесены под условным обозначением как караван-сарай.

Обобщая итоги исследований А.Н. Бернштама на территории Иссык-Кульской котловины, следует отметить, что им была проделана значительная работа по выявлению поселений, изучению топографии и установлению датировки некоторых из них, по определению границ области Верхний Барсхан и трассы торгового пути. Однако раскопок на поселениях котловины, за исключением разведочных шурфов на Джергаланском городище, не проводилось [13, с. 95–96]. Этим предстояло позже заняться ученым Академии наук Киргизской ССР Д.Ф. Виннику, В.П. Мокрынину и В.М. Плоских [14].

Литература

1. Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды Ин-та истории АН Кирг. ССР. Вып. III. Фрунзе, 1957.
2. Заднепровский Ю.А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П.П. Иванова // Труды Ин-та истории АН Кирг. ССР. Вып. III, 1957.
3. Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6.
4. Трофимова Т.А. Краеологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал. 1936, № 2.
5. Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // Вестник Древней истории. 1938. № 3(4).
6. Рерих Ю.Н. История Средней Азии. Т. I. М., 2004.
7. Советская Киргизия. 1937. 21 августа.
8. Зима Б.М. Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе, 1941.
9. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М.;Л., 1952. № 28.
10. Мокрынин В., Плоских В. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. Бишкек, 1992.
11. Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
12. Бернштам А.Н. Древний Тянь-Шань. КСИ-ИМК, 1951, XXXVIII; Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, М.;Л., 1952. № 26.
13. Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
14. Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988.